

— «quis enim veram viam teneret, errante Cicerone?»**. В поисках причин этих заблуждений Лактанций приходит к не лишней истине мысли, которую он не преминет развить: изъяном языческой мысли был разрыв между мудростью и религией. Языческие культы не заключали в себе никакой философии; философы видели в культах лишь

Глава II. Латинские отцы и философы

82

бессвязность, нелепость, безнравственность. Великая новизна христианства, напротив, состоит в том, что оно связало воедино религию и мудрость. Это — главная тема «Божественных установлений»: «Cujus scientiae summam breviter circumscribo, ut neque religio ulla sine sapientia suscipienda sit, nee ulla sine religione probanda sapientia»* (I, 1). Язычники принимали ложные религии из-за недостатка мудрости или принимали ложную мудрость из-за недостатка религии (III, 11); средство от этой болезни — принятие единобожия, которое открывает двери истинной религии и истинной философии: «Ubi ergo sapientia cum religione conjungitur? scilicet, ubi Deus colitur unus; ubi vita et actus omnis ad unum caput et ad unam summam refertur. Denique iidem sunt doctores sapientiae, qui et Dei sacerdotes... Idcirco et in sapientia religio, et in religione sapientia est»** (IV, 3). И еще: «Fons sapientiae et religionis Deus est, a quo hi duo rivi si aberraverint, arescant necesse est; quem qui nesciunt, nee sapientes esse possunt, nee religiosi»*** (IV, 4). Этот новый мир, где священники являются философами, а философы становятся священниками, мы будем наблюдать на протяжении интеллектуальной истории со II по XIV век.

Талант Лактанция далеко не соответствовал задаче, которую он перед собою поставил. Минуций Феликс казался ему скромным, уважаемым городским адвокатом, который, если бы он посвятил себя философии, мог бы стать достойным проводником христианской мудрости. Тертуллиан представлялся темным; Киприан — плодовитым гением и, что в глазах Лактанция было первейшим качеством (*quae sermonis maxima est virtus*****), ясно выражающимся писателем, но чтобы его понять, уже надо было быть христианином, а остряки той эпохи его высмеивали. Это ему, Лактанцию, выпала задача защитить истину целиком, «ornate copioseque»*****. Вполне цicerоновские амбиции, однако он знал философию куда как хуже Цицерона. Способный доказать существование единого Бога и его провидение

через устройство и порядок мира, потому что это было уже известной темой, он всякий раз запинаясь, сталкиваясь с конкретными вопросами. Проповедуемая Лактанцием мудрость в конечном счете сводится к следующему: «Мир был создан для того, чтобы родились мы; мы родились для того, чтобы познать Творца мира и нас самих — Бога; мы познаем Его, чтобы поклоняться Ему; мы поклоняемся Ему, чтобы получить бессмертие и награду за наши усилия, потому что богочитание требует больших усилий: поэтому мы